
ДИСКУССИЯ

DISCUSSION

УДК 323.27+177.5

ПРОБЛЕМЫ РЕВОЛЮЦИИ И СОЦИАЛЬНОЙ СПРАВЕДЛИВОСТИ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

А. П. МЕЛЬНИКОВ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Рассматриваются различные трактовки социальной справедливости в современной науке. Значительное внимание уделяется Великой Октябрьской революции 1917 г. в России. Анализируются различные модели социального государства: либеральная, консервативно-корпоративистская, социал-демократическая и социалистическая. Описывается белорусская модель социального государства, а также авторское определение социальной справедливости.

Ключевые слова: революция; социальная справедливость; модели социального государства; белорусская модель социального государства.

REVOLUTION AND SOCIAL JUSTICE ISSUES IN MODERN WORLD

A. P. MELNIKOV^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The article discusses different interpretations of social justice in modern science. It pays considerable attention to the October Revolution in 1917 in Russia, as well as to various welfare state models: liberal, conservative and corporatist, social-democratic and socialist. The author describes the Belarusian model of welfare state, as well as gives his own definition of social justice.

Key words: revolution; social justice; welfare state models; the Belarusian model of welfare state.

Образец цитирования:

Мельников А. П. Проблемы революции и социальной справедливости в современном мире // Журн. Белорус. гос. ун-та. Социология. 2017. № 3. С. 69–74.

For citation:

Melnikov A. P. Revolution and social justice issues in modern world. *J. Belarus. State Univ. Sociol.* 2017. No. 3. P. 69–74 (in Russ.).

Автор:

Адам Петрович Мельников – кандидат философских наук; доцент кафедры политологии юридического факультета.

Author:

Adam P. Melnikov, PhD (philosophy); associate professor at the department of political science, faculty of law. adam.melnikov@gmail.com

В 2017 г. отмечалась 100-летняя годовщина Великой Октябрьской революции – одного из важных событий XX в., оказавших значительное влияние на ход мировой истории. Представители различных социальных сил и политических воззрений дают ей разные, подчас диаметрально противоположные оценки. Если для одних это прорыв в будущее, то для других – катастрофа для России. Возникает вопрос: что же заставляло революционеров всех мастей идти на борьбу, обрекая себя на лишения, тюрьмы и ссылки? Невозможно представить, что это жажда славы, власти или обогащения. Тогда что? Разумный ответ только один: чувство справедливости.

Проблема социальной справедливости веками волновала человечество. Сотни выдающихся умов, начиная с Т. Мора и Т. Кампанеллы, пытались создать универсальную теорию социальной справедливости, которая бы удовлетворяла всех, сглаживала противоречия, предотвращала конфликты, интегрировала общество. К сожалению, до сих пор такая теория не создана. Существует множество подходов к трактовке социальной справедливости. И причины этого самоочевидны. Слишком многообразны, разнородны интересы различных социальных групп: экономические, политические, этнические, конфессиональные, гендерные и иные. По этой причине на протяжении всей истории человечества происходили войны и революции: антифеодально-буржуазные, национально-освободительные, демократические, социалистические и пр.

Проблема социальной справедливости обостряется в так называемые эпохи перемен, т. е. в периоды социально-экономических, политических преобразований и кризисов. Изучение социальной справедливости на постсоветском пространстве представляется как никогда актуальным в связи с падением качества и уровня жизни, усиливающимся социальным расслоением, обострением социальных и межнациональных конфликтов, ростом угрозы новых цветных революций.

Разумеется, под революцией мы понимаем не дворцовые перевороты, путчи, насильственный захват группой лиц государственной власти, а широкое народное движение, приводящее к коренному, качественному, глубинному повороту в функционировании всех сфер общества, способ перехода от одной социально-экономической, политической, культурной системы к другой в результате прихода к власти оппозиционных политических сил [1, с. 318]. Первой революцией, оказавшей наибольшее влияние на умонастроения людей, политическую жизнь Европы, была Французская революция конца XVIII в., свершившаяся под лозунгом свободы, равенства, братства, упразднившая монархию, сословия и провозгласившая республиканскую форму правления. Она, как и другие более поздние

революции в разных странах, не привела к установлению общества социальной гармонии, социальной справедливости. Основная причина этого, с точки зрения сторонников коммунистической идеологии, кроется в сохранении частной собственности на средства производства.

Основоположники марксизма и их последователи считают, что общество социальной справедливости может быть создано только в результате победы социалистической революции, установления диктатуры рабочего класса, обобществления собственности на средства производства, ликвидации эксплуатации человека человеком и реализации принципа «от каждого – по способностям, каждому – по труду».

В 1917 г. первая в мире социалистическая революция победила в России. Общество вступило на путь реализации идеалов социальной справедливости. За относительно непродолжительный период страна достигла значительных успехов. После Гражданской войны была успешно ликвидирована послевоенная разруха, в кратчайшие исторические сроки национализированы средства производства, осуществлены индустриализация, коллективизация и культурная революция. Впервые в мире у людей появилась возможность бесплатно учиться и получать все виды медицинских услуг. Несмотря на огромные потери СССР в годы Великой Отечественной войны, к 1980-м гг. произведенный национальный доход страны увеличился по сравнению с дореволюционным периодом более чем в 75 раз. Продукция промышленности возросла в 125 раз, сельского хозяйства – в 3,5 раза. По объему промышленной продукции страна занимала первое место в Европе и второе – в мире. Если дореволюционная Россия производила 4 % мировой продукции, то СССР – более 20 % [2, с. 178].

Необходимо также отметить, что своим примером, самым фактом своего существования Советский Союз оказывал большое воздействие на мировое развитие. Так, под влиянием СССР правящие элиты западных государств были вынуждены устанавливать 8-часовой рабочий день и идти на другие социальные и политические уступки лицам наемного труда.

О достижениях советской страны свидетельствует хотя бы то, что за половину столетия она прошла путь от сохи до запуска человека в космос. Хотя эти успехи дались нелегко. Они были достигнуты невероятным напряжением сил, потребовали больших материальных и людских потерь, нарушений законности, прав человека, особенно в 1930-е гг.

В послевоенное время СССР была навязана гонка вооружений, необходимо было поддерживать паритет в военной силе с противоположной общественной системой, поддерживать коммунистическое и национально-освободительное движение на международной арене, что в конце концов обе-

скровило страну, привело к падению уровня жизни народа, постоянным дефицитам промышленных товаров и продовольствия. Жесткая регламентация заработной платы вела к уравниловке, лишала людей мотивации к высокопроизводительному труду. Социалистическое соревнование и отдельные трудовые подвиги, искусственные маяки вроде передовиков Алексея Стаханова и Валентины Гагановой погоды не делали, положения не меняли. В то время как экономически развитые страны являли собой пример сытой жизни на Западе. Все это в совокупности, а также назойливая, «трескучая» пропаганда о «преимуществах социализма» раздражали людей, порождали недовольство. Такая ситуация вкупе с непоследовательной эгоистической политикой высшего руководства страны привела к распаду СССР, так называемой «шоковой терапии», к отпуску цен, обвальная приватизация отдельными лицами природных богатств (за бесценок), расхищению общегосударственной собственности, обнищанию населения, разгулу криминала. В таких условиях о социальной справедливости не могло быть и речи – о ней просто забыли, вернее, закрыли эту тему за ненадобностью. Считалось, что «невидимая рука рынка» сама по себе отрегулирует все.

Ныне ситуация на просторах СНГ мало изменилась. Молодые национальные государства несправедливым образом освободили себя от многих фундаментальных обязанностей по отношению к своим гражданам. Положение усугубляется еще и тем, что государственные органы на территории почти всего СНГ не смогли выработать механизмы, создающие благоприятные экономические, правовые, социальные условия для перехода от устоявшейся модели государственного патернализма к обществу личностной самореализации в условиях перехода к рыночной экономике.

Социальная справедливость на постсоветском пространстве оказалась блокированной корпоративными и групповыми интересами. Слишком ограниченными были возможности рядовых граждан, низкостатусных групп добиться успехов на экономическом поприще. Иначе говоря, часто власть концентрируется в руках узкой группы лиц или элиты. Элита гарантирует права собственности лишь себе самой, в то время как для подавляющего большинства граждан эти права остаются нестабильными. Равенство перед законом может существовать для какой-то конкретной элитарной, олигархической группировки, но не для большинства населения. Правительственная политика способна оказывать предпочтение этой элитарной группе, обеспечивая ей налоговые льготы, ренту и монополию, при этом большинство людей оказываются лишенными возможности успешно заниматься предпринимательской деятельностью. Например, Россия является одним из немногих развитых го-

сударств, в которых до сих пор действует плоская шкала налогов, т. е. единая их ставка и для бедных, и для состоятельных. В то время как в Германии верхняя планка подоходного налога для богатых составляет 45 %, во Франции – 40 %, в США – 35 %. В России же и миллиардеры, и бедные платят одинаково – 13 % [3, с. 90], что вряд ли справедливо для подавляющего большинства граждан, особенно если учесть сомнительные способы первоначального накопления капитала, приватизацию через залоговые аукционы и т. д.

По мнению российских исследователей, к настоящему времени в России сформировались две основные точки зрения во взглядах на сущность социальной справедливости. Первая исходит из позиций классического либерализма и предлагает понимание справедливости, основанное «на обмене между свободными и равными индивидами»; вторая – предполагает принцип датируемой, распределительной справедливости, «когда учитываются различия в первоначальных социальных позициях индивидов: работодателей и наемных работников, чиновников и служащих и других общественных слоев» [4, с. 48]. В целом же структурообразующими элементами представлений российских граждан о социальной справедливости на уровне общественного сознания выступают стабильность, порядок, безопасность, равенство, сильная государственность, а также потребность в социальной защите. Примерно такое же представление о социальной справедливости характерно и для Беларуси.

А каковы представления о социальной справедливости в современной западноевропейской и американской науке? Подходов к трактовке множество, однако основных, пожалуй, можно выделить три: либеральный, консервативно-корпоративистский и социал-демократический. Представители либерального направления исходят из невозможности достижения социального равенства. В защиту социального неравенства они приводят два аргумента: с одной стороны, общество без неравенства – это утопия, приводящая к тоталитаризму, потому что видимость социальной бесклассовой гармонии можно достичь только с помощью насилия; с другой – неравенство социального статуса в рамках определенных границ, установленных статусом гражданина, будучи средством развития человека, служит условием свободного развития общества. Иначе говоря, неравенство социального положения в либеральных концепциях как бы компенсируется видимостью свободы, а отсутствие реальной свободы – рассуждениями о равенстве. Консервативно-корпоративистский подход, исходящий из идеи эволюционного развития и традиционализма, рассматривает компенсаторную социальную политику как преимущественно негосударственную сферу деятельности, направленную на поддержание социальной стабильности. Социал-демократический

подход рассматривает сильную социальную политику с позиции государства как средство совершенствования и реформирования социально-политических отношений. В целом в XX в. западное общество стало восприниматься теоретиками социальной справедливости в качестве разветвленной системы коопераций, в рамках которой участники могут достичь общего блага только при условии, что их поведение будет соответствовать ожиданиям, а также установленным правилам и образцам взаимодействия, о которых участники договариваются изначально на партнерских основах.

В русле либерального подхода весьма примечательна трактовка социальной справедливости, предложенная американским философом Дж. Ролзом, который считает справедливость главной добродетелью и принципом социальной жизни [5, с. 19]. В основу идеи справедливости Дж. Ролза в противовес утилитаризму (выгоде) положен нравственный принцип честности. Это значит, что если исходная ситуация будет честной, то свободные и автономные индивиды в условиях рационального выбора примут, во-первых, равенство в определении основных прав и обязанностей, а во-вторых, согласятся с социальным и экономическим неравенством, если только оно компенсируется другими преимуществами для каждого человека, в частности для ее непреуспевающих членов общества. Такая схема распределения преимуществ формировала бы у всех граждан стремление к сотрудничеству. Наличие этих двух принципов позволяет установить социальную систему, основанную на справедливости, в которой никто не приобретает бы и никто не теряет бы из-за своего произвольного места в распределении природных дарований.

При этом реализация принципов справедливости предполагается только с помощью чисто распределительных методов, т. е. через распределение доходов и богатства наиболее обеспеченной части общества в пользу менее имущей, главным образом посредством налогообложения, т. е. без конфискационных и уравнилельных мер. Следовательно, наиболее справедливым общественным устройством может быть западное общество с рыночной экономикой и верховенством права. Если для достижения социальной справедливости необходима корректировка общественно-политических институтов, необходимо проводить соответствующие реформы для нормального функционирования общественной системы.

Немецкий социолог Р. Дарендорф, давая трактовку социальной справедливости, использует понятия «социальные нормы», «социальные санкции» и «господство». По его мнению, общественная жизнь предполагает, что поведение людей упорядочивается посредством норм; это управление гарантируется с помощью стимула либо угрозы

санкций; возможность назначать санкции служит основой всякого господства. Любые санкции предполагают дискриминацию кого-либо. В конце концов ученый приходит к выводу о том, что полной социальной справедливости в обществе быть не может, поскольку люди не равны, это неравенство предполагает выигрыш одних за счет других, и оно в таком случае превращается в стимул, не дающий застывать, окостеневать социальным системам [6, с. 512].

Небезынтересны взгляды по рассматриваемому вопросу лауреата Нобелевской премии по экономике американского ученого Дж. Ю. Стиглица, который при рассмотрении проблемы социальной справедливости основное внимание сосредоточивал на равенстве возможностей. Его подход несколько отличается от либерального принципа равенства, сводящего социальное равенство к юридически провозглашенному, но экономически не гарантированному равенству возможностей индивидов в стихии рыночных отношений. Данная либеральная трактовка противоречит концепции социального государства. Такое равенство возможностей – основная причина перетекания богатств от бедных к богатым, хотя при этом любой бедняк имеет некоторый (весьма небольшой) шанс стать богатым [7, с. 349]. Дж. Ю. Стиглиц выступает за включение в перечень прав человека социальных гарантий [8].

Как видим, по поводу трактовки социальной справедливости в науке нет единого мнения. Существуют разные точки зрения. И трудно сказать, какая из них является наиболее правильной. Объективная действительность, социальная жизнь, по крайней мере на современном этапе развития, не предоставляют достаточно материала для окончательных выводов. Хотя определенную тенденцию можно уловить уже сейчас. По-видимому, она заключается в формировании социального государства.

Что такое социальное государство? Существуют разные его модели. В соответствии с взглядами на сущность социальной справедливости их можно выделить четыре: либеральную, консервативную, социал-демократическую и патерналистско-социалистическую [9, с. 12–13]. Либеральная модель социального государства (в США, Великобритании) строится на социальной политике, сводящей участие государства в регулировании социальных отношений к разного рода компенсациям. Социальная политика не носит упреждающего характера, а реагирует на состояние нуждающихся в помощи. Большая часть социальных обязательств перекладывается на рыночные структуры. Консервативная модель, характерная для некоторых стран Западной Европы и Японии, базируется на принципе прагматизма: государство реагирует на возникающие социальные проблемы и решает их, не

переводя свои действия в плоскость постоянной политики. Для компенсации дестабилизирующих факторов стимулируется взаимодействие между различными социальными группами на основе корпоративности, разделяющей социальные обязательства между государством и работодателями. Социал-демократическая модель социального государства (характерна для Германии, Швеции, Норвегии) строит социальную политику на принципе упреждения социальных проблем и предоставления социальной защиты на равнодоступной основе. Именно для социал-демократических государств характерно установление социальных стандартов, высокие государственные социальные расходы за счет высокого налогообложения, постоянно действующие государственные социальные программы и т. д.

Патерналистско-социалистическая модель была характерна для Советского Союза и других социалистических государств. Она характеризуется обобществлением собственности на средства производства и высокой степенью концентрации социальных функций в руках государственных органов. Государство целиком финансирует социальную сферу и планирует социальные потребности.

В Беларуси, где обошлось без «шоковой терапии», обвальная приватизации и нет сильного социального расслоения, в настоящее время осуществляется разгосударствление социальной сферы, переход от патерналистско-социалистической модели социального государства к адресной, позволяющей дифференцировать субъекты реализации социальной политики и снять с государства большую финансовую нагрузку в социальной сфере. Это полностью соответствует общемировым тенденциям социального развития в условиях рыночных отношений.

Аналогичные процессы, причем с существенным опережением, происходят в современной России, где значительно большее социальное расслоение. Поэтому некоторые ученые предлагают для нее переход к модели этического социализма, т. е. к рыночным отношениям нравственно ответственных индивидов с обобществленной собственностью на основные средства производства, ибо в противном случае, как они считают, «Россия обречена на варварство, т. е. бандитский капитализм» [10, с. 178].

Сторонники этой точки зрения исходят из того, что ныне во взглядах на соотношение экономики и нравственности присутствует два противоположных подхода. Первый заключается в том, что экономика и нравственность существуют каждая сама по себе и несоотносимы в принципе. В целях отделения экономики от нравственности предпринимаются попытки истолковать понятия нравственности и справедливости как исключительно оценочные, эмоциональные и находящиеся вне

компетенции науки. Освобождению экономики от нравственности в конкурентных условиях современной действительности также способствует распространенная формула: «разрешено все, что не запрещено законом». Это означает курс на вседозволенность, аморализм в экономических отношениях. Нравственные соображения отбрасываются. Принимаются во внимание только правовые нормы, которые не могут предусмотреть всех возможных практических ситуаций. Всегда остается множество пробелов, лазеек в законе. А это ведет к их поиску и безнаказанному использованию недобросовестными людьми.

Другая точка зрения на рассматриваемую проблему состоит в утверждении, согласно которому экономика должна быть нравственной, т. е. ориентированной на социальную справедливость. Это предполагает, с одной стороны, минимизацию социального паразитизма, т. е. присвоения незаработанного, с другой – создание оптимальных условий для всестороннего развития человека. Общество, основанное на принципах социальной справедливости, более стабильно по сравнению с другими общественными системами. Нравственно ориентированная экономика позволит избавиться от коррупции, которая ныне разъедает постсоветское пространство. Поэтому так и важна для России модель этического социализма. А. В. Бузгалин пишет: «...сейчас в России нет никаких альтернатив. Сейчас я вижу только одну дорогу в практической жизни. Это – путь этического социализма. На мой взгляд, это единственный путь спасения страны. Идти к этому социализму (я его называю еще демократический социализм, рыночный социализм, наконец, социальная экономика, т. е. совмещение ценностей демократии, свободы, социалистических ценностей и рыночной необходимости <...> это единственный путь» [11, с. 180].

Приверженцы этой точки зрения в обоснование своей позиции ссылаются на Всеобщую декларацию прав человека, принятую Генеральной Ассамблеей ООН, в которой говорится, что власть обязана заботиться о нуждах народа, чтобы он «не был вынужден прибегать в качестве последнего средства к восстанию против тирании и угнетения» [12, с. 706].

Какое же определение можно дать социальной справедливости? Исходя из приведенных позиций, можно прийти к выводу о том, что социальная справедливость выступает как категория, с помощью которой характеризуется объективно обусловленная уровнем материальной и духовной зрелости общества мера равенства и неравенства в жизненном положении различных социальных общностей и индивидов. Справедливое общество есть такое, которое может «найти нравственную меру в распределении благ, а нравственной может считаться такая мера, которая устраивает всех и на которую получено согласие тех, на чью долю

выпадает больше тягот» [13, с. 624]. Иными словами, справедливость – это соответствие должного существу в распределении благ.

Таким образом, в самом общем плане социальную справедливость можно определить как меру соответствия между трудом и вознаграждением за него, приемлемую степень неравенства в распределении доходов, которая способствует совершенствованию общественных отношений, социальному прогрессу в целом.

Однако вернемся к вопросу о роли революций в общественном развитии. Являются ли они двигателями прогресса, «локомотивами истории», по выражению К. Маркса, необходимыми предпосылками установления социально справедливого общества? Весь опыт истории человечества свидетельствует о том, что скорее да, чем нет. Примеров тому немало. Так было до эпохи научно-технической революции, постиндустриального, информационного общества. В условиях же постмодерна, по мнению большинства ученых, на смену революциям приходят социальные эволюции. При наличии

политической воли создать социально справедливое общество можно путем реформ. Об этом свидетельствует опыт скандинавских государств, а также четырех «азиатских тигров», или «драконов».

Подводя итог изложенному, следует отметить, что не существует абсолютных, универсальных и безусловных критериев социальной справедливости. В любом обществе всегда имеется чаще всего несколько представлений, порой альтернативных, о социальной справедливости, выражающих интересы различных социальных групп. Скажем, в социалистических теориях это понятие наполняется уравнительным смыслом, отсюда триада: социализм – равенство – социальная справедливость. Доминанта – равенство. В концепциях либерального толка складывается формула: капитализм – свобода – социальная справедливость – акцент внимания на свободе. Политическим деятелям, практическим политикам приходится прилагать немало усилий, чтобы учесть, сбалансировать, а если удастся, интегрировать интересы всех политических сил, социальных групп и слоев общества.

Библиографические ссылки

1. Социологическая энциклопедия : в 2 т. / под ред. В. Н. Иванова. М., 2003. Т. 2.
2. Тарнаев А. П. Россия: от 1917 – к 2017. М., 2016.
3. Зюганов Г. А. Перед рассветом. М., 2011.
4. Садовая Е. С., Сауткина В. А. Трансформация принципов современного мироустройства: социальный аспект. М., 2015.
5. Ролз Дж. Теория справедливости / пер. с англ. и науч. ред. В. В. Целищева. Новосибирск, 1995.
6. Дарендорф Р. Тропы из утопии : пер. с нем. М., 2002.
7. Стиглиц Дж. Ю. Ревущие девяностые. Семена развала : пер. с англ. М., 2005.
8. Стиглиц Дж. Ю. Экономика государственного сектора : пер. с англ. М., 1997.
9. Побережная О. Е. Теоретические аспекты формирования социальной политики в современном мире : автореф. дис. ... канд. полит. наук : 23.00.01. Минск, 2015.
10. Человек и экономика: справедливость и базисная демократия против тоталитаризма рынка и капитала / под общ. ред. А. В. Бузгалина, М. И. Воейкова. М., 2011.
11. Человек и экономика : справедливость и базисная демократия против тоталитаризма рынка и капитала / редкол. : А. В. Бузгалин [и др.]. М., 2012.
12. Новая философская энциклопедия : в 4 т. / под ред. В. С. Стёпина, А. А. Гусейнова, Г. Ю. Семигина [и др.]. М., 2010. Т. 3.

References

1. Ivanov V. N. (ed.). [Sociological encyclopedia] : in 2 vol. Moscow, 2003. Vol. 2 (in Russ.).
2. Tarnaev A. P. [Russia: of 1917 – to 2017]. Moscow, 2016 (in Russ.).
3. Zyuganov G. A. [Before dawn]. Moscow, 2011 (in Russ.).
4. Sadovaya E. S., Sautkina V. A. [Transformation of the principles of modern world order: social aspect]. Moscow, 2015 (in Russ.).
5. Rolz Dzh. [Theory of justice]. Novosibirsk, 1995 (in Russ.).
6. Darendorf R. [Tracks from a utopia]. Moscow, 2002 (in Russ.).
7. Stiglits Dzh. Yu. [Roaring the ninetieth. Disorder seeds]. Moscow, 2005 (in Russ.).
8. Stiglits Dzh. Yu. [Economy of public sector]. Moscow, 1997 (in Russ.).
9. Poberezhnaya O. E. [Theoretical aspects of formation of social policy in the modern world] : avtoreferat dissertatsii ... kandidata politicheskikh nauk : 23.00.01. Minsk, 2015 (in Russ.).
10. Buzgalin A. V., Voeikov M. I. (eds). [Person and economy: justice and basic democracy against totalitarianism of the market and the capital]. Moscow, 2011 (in Russ.).
11. Buzgalin A. V. (ed.). [Man and economy : justice and basic democracy against totalitarianism of the rank and capital]. Moscow, 2012 (in Russ.).
12. Stepin V. S., Guseinov A. A., Semigin G. Yu. (eds). [New philosophical encyclopedia] : in 2 vol. Moscow, 2010. Vol. 3 (in Russ.).

Статья поступила в редколлегию 28.08.2017.
Received by editorial board 28.08.2017.